

Глава 22. Персиковый напиток

Следующие дни Цяо Суйман с головой ушёл в приготовления к лодочным гонкам на Праздник драконьих лодок, который должен был состояться в следующем месяце. Чтобы привлечь покупателей, одних только напитков из периллы было недостаточно. В эту пору дикий чай в горах разросся пышно и густо, он пробивался даже у подножия холмов. Жители деревни часто собирали его, сушили и заваривали дома.

Каждое утро юноша отправлялся к подножию горы и срывал нежные верхушки чайных побегов. Оставшиеся стебли он не выбрасывал, а приносил домой и использовал как хворост. За два таких утра Цяо Суйман собрал больше половины дикого чая в округе и на время прекратил сбор.

Персиковое дерево во дворе за домом цвело густо и обильно. Опасаясь, что чрезмерное цветение скажется на будущем урожае, да и намереваясь приготовить напиток из персиков, он обрезал немало цветков.

В тот день он вновь разложил на деревянной решётке во дворе дикий чай и персиковые лепестки для просушки. Погода в последнее время стояла ясная, и через день-другой всё должно было окончательно высохнуть и быть готовым к хранению. Кроме того, он купил у семьи Чжэн полцзиня сахара. Всего лишь полцзиня обошлось ему в тридцать вэнь, и надолго этого не хватит. Сердце болезненно сжалось от такой траты.

На бамбуковые трубки и сахар он уже израсходовал четыреста пятьдесят вэнь. Поэтому он трудился с удвоенным усердием, с утра до вечера хлопоча без передышки, так что даже Цяо Жуйфэн и Цинь Юй начали за него тревожиться.

Цяо Суйман взял часть уже подвяленного дикого чая и персиковых цветков, вскипятил котелок воды и засыпал в него горсть чайных листьев. Когда настой окрасился, он добавил несколько сушёных цветков персика — и тотчас в воздухе разлился свежий, тонкий аромат. Затем он всыпал немного сахара, тщательно размешал, а затем выловил из настоя листья и лепестки.

Юноша глубоко вдохнул. Запах был чудесный. Лёгкая терпкость дикого чая переплеталась со сладковатой нотой персикового цвета — аромат, от которого словно прояснялось на душе. Он достал три небольшие пиалы, налил понемногу в каждую и понёс в главную комнату.

Цинь Юй сидел, подшивая подошвы. В последнее время Цяо Жуйфэн много работал в порту, и подошвы на его обуви совсем истёрлись. Цинь Юй просто купил ворох обрезков ткани и решил сшить две новые пары. Для подошв требовалась прочность, а не тонкая материя, поэтому груды старых лоскутов он приобрёл всего за два-три вэнь.

— Готово? — с лёгкой улыбкой спросил Цинь Юй.

— Угу, попробуй. Я позову да-гэ.

Цяо Суйман поспешил во двор, где Цяо Жуйфэн готовил удобрение. Вскосы на рисовых полях уже показались, поэтому настала пора их подкармливать.

— Гэ, как закончишь — приходи за напитком.

— Хорошо, сейчас подойду.

Вернувшись в дом, Цяо Суйман увидел, что Цинь Юй уже выпил половину своей пиалы.

— Цинь Ю-гэ, ну как?

— Вкусно. Периковые цветы дают кислинку, но воды ты в этот раз добавил как надо, и сахара в самый раз. Намного лучше, чем вчера.

Накануне Цяо Суйман уже пробовал сварить напиток, но тогда воды было мало, сахара тоже не хватило, и чувствовалась лишь терпкость дикого чая с кислой нотой перикового цвета. Вкус в тот раз получился не особенно приятным. Сегодняшний вариант оказался куда удачнее.

Он поднял свою пиалу и сделал глоток. И правда, с добавленным сахаром напиток шёл мягко и легко. На губах его появилась улыбка. Когда в следующем месяце поспеют персики, если добавить в напиток нарезанные кубики плоды, будет ещё лучше.

Вскоре, вымыв руки, к ним присоединился и Цяо Жуйфэн. Сначала он залпом сделал несколько глотков, утоляя жажду, а затем уже стал смаковать напиток.

— Вкусно. Ты собираешься продавать?

— Угу. Одного вида будет мало. Кроме напитка из периллы и этого из перикового цвета, я ещё хочу сварить сливовый сироп. Слышал на рынке, что если уварить сливы до сиропа и запечатать, он может храниться очень долго. А когда захочется пить — просто зачерпнуть немного и развести водой.

В последнее время Цяо Суйман всё размышлял, какие ещё напитки можно приготовить. Он также слышал о личиевом сиропе из Линняня, но в городке Шуйцин личи не выращивали, а покупать привозные было слишком дорого, так что приходилось обходиться плодами из собственного сада.

С такими тремя напитками и двумя видами бамбуковых сосудов, у покупателей появится выбор, и торговля наверняка пойдёт куда лучше.

Вообще-то сливы из их двора прекрасно подошли бы для сливового вина, но прежний опыт оставил в душе Цяо Суймана глубокое отвращение к алкоголю. О том, чтобы варить его самому, не могло быть и речи.

— Ладно, решай сам, — кивнул Цяо Жуйфэн. — У тебя к таким вещам всегда чутьё.

Дворовые ворота тихо скрипнули — кто-то постучал. Цяо Суйман открыл и увидел Лу Дунцина с тремя бамбуковыми трубками в руках.

— Я закончил резьбу. Посмотри, — в его голосе звучала едва заметная гордость.

— Отлично, заходи, присаживайся.

Цяо Суйман как раз думал, что тот появится сегодня или завтра. И вот он здесь — даже раньше, чем ожидалось.

Когда все расселись в главной комнате, Цяо Суйман принёс ещё одну пиалу, налил туда перикового напитка и с улыбкой подал Лу Дунцину:

— Попробуй новый напиток.

— Спасибо.

Лу Дунцин поставил бамбуковые трубки на стол, подвинув их к Цяо Суйману, чтобы тот рассмотрел, затем поднял пиалу и сделал медленный глоток. Попробовав ещё раз, он заметил:

— Ты добавил сахар? Хорошо получилось. Вкус необычный.

Цяо Суйман широко улыбнулся:

— Рад, что понравилось. Там ещё и дикий чай есть.

Раз всем пришлось по вкусу, значит, рецепт удался.

Он взял одну из бамбуковых трубок. Внешний зелёный слой был тщательно счищен, а на светлой поверхности вырезано изображение — цзунцзы, томящиеся на решётке над паром. Узнать их было легко. Рядом виднелись несколько иероглифов, которых он не умел читать, но, вероятно, это были пожелания здоровья к Празднику драконьих лодок.

— Резьба потрясающая! Ты даже слой снял и отполировал. Наверное, пришлось повозиться, — восхищённо сказал Цяо Суйман.

На губах Лу Дунцина мелькнула лёгкая улыбка.

— Счистить слой — недолго. Ничего особенного. Тебе нравится рисунок?

Без зелёной коры бамбук приобрёл светло-жёлтый оттенок, и резьба стала ещё выразительнее. Цяо Суйман был в полном восторге.

— Очень красиво. Правда, очень красиво. У тебя поразительное мастерство.

Он рассмотрел и две другие трубки. На одной, как и обещал Лу Дунцин, была вырезана драконья лодка. Причём не только сам корпус — несколькими точными штрихами были намечены маленькие фигурки гребцов, энергично налегающих на вёсла, так что вся сцена оживала.

На последней изображались зрители, наблюдающие за гонкой. Композиция была простой, но в ней угадывались толпы, болеющие за разные команды, а также возвышающийся павильон, где сидели уездный магистрат и зажиточные торговцы. Детали были тонкими и изобретательными.

Цяо Жуйфэн и Цинь Юй тоже взяли трубки в руки, любуясь ими и не скупясь на похвалы. У всех трёх внизу был вырезан один и тот же иероглиф. Вспомнив прежние слова Лу Дунцина, Цяо Суйман догадался, что это иероглиф «Лу».

— Это так необычно. Как тебе пришла в голову такая идея? — с любопытством спросил он.

— Я слышал, что гонки устраивают уездный магистрат и богатые купцы, поэтому зрителей будет много. Вот и подумал... так можно привлечь больше покупателей.

— Верно. Я об этом даже не подумал.

Цяо Суйман ощутил лёгкое сожаление. К счастью, Лу Дунцин оказался человеком с выдумкой, иначе они могли бы упустить отличную возможность. Изображения зрителей наверняка заставят многих захотеть купить такие трубки.

— Тогда мне и дальше вырезать в таком же стиле? — вспомнив наставления матери, Лу Дунцин нарочно смягчил голос.

Сердце Цяо Суймана вдруг беспорядочно забилося. Этот мягкий тон смутил его. Он и сам не заметил, когда изменилось его восприятие Лу Дунцина: тот больше не казался холодным и суровым, а, напротив, тёплым и добросердечным.

Он слегка опустил голову.

— Угу... так будет лучше всего.

Цяо Жуйфэн кашлянул. Наблюдать за этой парой было почти невыносимо — их общение было слишком приторно-сладким, поэтому он перебил:

— Раз уж с дизайнами всё решено, как насчёт предоплаты?

— Тридцать процентов — нормально. Я доставлю их к двадцать пятому числу, — быстро ответил Лу Дунцин.

Тридцать процентов не казались чрезмерными. Цяо Суйман кивнул, он сам так примерно и хотел.

— Хорошо. Сейчас я принесу деньги.

— Ладно.

Цяо Суйман пошёл в свою комнату и достал денежную коробку. Он развязал узел, отложил семьдесят четыре вэнь обратно и снова всё завязал.

Шестьдесят бамбуковых трубок стоили четыреста двадцать вэнь, тридцать процентов — сто двадцать шесть вэнь. Он достал медные монеты, закрыл коробку и вернулся в главную комнату.

Лу Дунцин принял монеты и аккуратно убрал их в рясу, произнося торжественно:

— Я успею до жатвы пшеницы. Никаких халтур.

— Угу, я тебе доверяю.

Лу Дунцин невольно мягко усмехнулся. Даже вернувшись домой, его лицо сияло радостной улыбкой.

Три бамбуковые трубки остались у семьи Цяо. Теперь ему предстояло вырезать остальные — по двадцать каждой модели. Полмесяца оставалось, и кроме двух часов ежедневных тренировок и работы в поле, у него было ещё четыре-пять часов в день для резьбы по бамбуку. Времени было более чем достаточно. Можно было даже сделать несколько других мелких изделий.

Мяо Ляньхуа наблюдала за возвращением старшего сына, и улыбка не сходила с его лица с того момента, как он переступил порог. Она спросила:

— Ты уладил с ним дела?

— Угу, сказал, что всё отлично, — продолжая улыбаться, ответил Лу Дунцин. Он передал ей сто двадцать шесть вэнь. — Мать, это предоплата. Сохрани себе.

Вспоминая, как Цяо Суйман не раз хвалил его мастерство, Лу Дунцин улыбался, словно дурачок.

Лу Сюэсун вернулся с полей и, войдя, увидел старшего брата сияющим от счастья.

— Мать, гэ что, деньги на земле нашёл?

— Он не нашёл деньги, но, думаю, сердце своё где-то потерял.

Мяо Ляньхуа вздохнула с некоторой растерянностью:

— Ты оставляй себе деньги, у меня ещё есть немного. Если он тебе нравится — трудись и зарабатывай больше. Сейчас у нас дела обстоят не лучшим образом. По крайней мере, дом нужно привести в порядок.

Недавно, когда Лу Дунцин вырезал шпильку и попросил у неё нитки, чтобы обернуть несколько изысканно вырезанных бамбуковых листьев и даже раскрасить их, он не брал их на рынок, чтобы продать. Вкупе с тем, как он смотрел на Ман-гэ, она была не слепа. Всё было ясно.

Ей было и радостно, и тревожно одновременно. Сын уже не маленький. По праву, он должен был жениться давно. Но после смерти отца и семейных трудностей, у него не было интереса к романтике. Раньше, когда она подталкивала его общаться с девушками и с детьми, он делал вид, что её не слышит. Теперь хотя бы делал маленькие подарки, чтобы угодить кому-то.

Что её тревожило, так это текущее положение семьи. Они были далеки от достатка. Дом семьи Цяо впечатлял, и без обременительного отца их благосостояние наверняка росло бы. Она не могла позволить сыну привести кого-то в их тесный дом. Придётся как минимум строить новый дом. Вздохнув ещё раз, она подумала: придётся просто работать и откладывать.

Когда Лу Лайань женился на ней, он подарил четыре таэля серебра в приданое. Теперь для брака сына меньше дать нельзя.

Она сама узнавала о семье Цяо и общалась с ними. Дети вежливые. Когда старший помогал прибивать деревянный гроб целыми днями и ночами, сначала ей показалось, что тридцать вэнь — мало, но раз сам Лу Дунцин предложил, спорить не стала.

После похорон семья Цяо привезла овощи и тыквы в знак благодарности, даже добавив ещё пятьдесят вэнь. Ман-гэ казался хрупким, но воля у него сильная. С такими детьми будущее будет точно светлым.

К счастью, она позаботилась, чтобы старший с ранних лет освоил ремесло. Иначе, возможно, они бы не справились.

— Семья Цяо недавно похоронила родственника, так что свадьбы в ближайшее время устраивать вряд ли будут. Используй это время, чтобы накопить денег. Позже будет проще.

— Я знаю, — твёрдо ответил Лу Дунцин. Он считал, что заботиться о семье — обязанность мужчины. Его отец, хоть и слабый здоровьем, всё равно учил детей читать и писать, чтобы заработать на обучение. А у него, с крепким телом, ответственности ещё больше.

Да и кроме того, он больше не хотел, чтобы Цяо Суйман страдал...